

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

Холодный
ПЛЯЖ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Холодный пляж / Валерий Шарапов. — Москва :
Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-233784-0

1973 год. В Краснодарском крае, на трассе, ведущей к морю, орудует банда. Преступники под видом гаишников останавливают машины, грабят и с особой жестокостью убивают водителей и пассажиров. Случайно удается выжить студентке Людмиле. Используя ее как свидетеля, майор МУРа Андрей Светлов начинает поиски убийц. Ему удастся наткнуться на одного из налетчиков, однако спустя сутки того находят мертвым — подельники поспешили убрать засветившегося компаньона. Майор понимает, с какими отпетыми головорезами ему предстоит встретиться. Но он не догадывается, какая роль в этой истории на самом деле отведена Людмиле...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шарапов В., 2024
ISBN 978-5-04-233784-0 © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

Черная ночь накрыла район. Переливались звезды — далекие, холодные. Небо сливалось с морем, горы пропадали из виду. Трасса всесоюзного значения пролегла восточнее, а данный боковой отрезок выходил к морю, минуя несколько населенных пунктов. Машина вышла из-за поворота, и дальний свет фар разогнал сумрак. Лучики света отражались от скал, блестели на капоте. «Волга» ГАЗ-24 шла бодро, работала современная подвеска, дефекты покрытия дорожного полотна практически не ощущались. Обозначилась старая асфальтовая дорога, ограниченная справа дорожными столбиками. За ними склон, обросший травой, — где-то пологий, где-то крутой. С левой стороны к трассе примыкали мощные скалы — бугристые, иссеченные расщелинами. Справа на удалении колыхалось Черное море — словно монстр ворочался под одеялом. Ровно гудел двигатель — машина была практически новая, да еще и оборудованная по заказу кожаными сиденьями, литыми дисками. Прямой участок оказался длинным, водитель прибавил оборотов. «Волга» слушалась, как дрес-

сированная лошадь, плавно разгонялась. Провал в асфальте все же попался чувствительный, машину тряхнуло. Ойкнула женщина, сидящая рядом с водителем.

— Господи, Жорик, пожалей же мои мягкие ткани...

Водитель разразился утробным смехом. Он был упитанным, холеным, с породистым лицом. Толстые пальцы уверенно сжимали руль. Спутница была высокого роста — колени упирались в приборную панель. Стройная, с точеной фигурой, с пышными волнистыми волосами — глаз не оторвать. А уж «мягкие ткани» — на пять с плюсом! Единственное досадное обстоятельство — Лариса носила очки, плохо видела. Но даже в этом имелась своя пикантность — чем не учительница младших классов на природе? Спутница демонстративно надула губки, отвернулась.

— Спокойствие, дорогая, только спокойствие, — урчал водитель, не сбавляя скорости. — Не пострадают твои нежные места. Ты же знаешь, я прекрасно вожу, терпеть не могу пользоваться услугами водителя. Чуть что сразу отпускаю парня. Но не всегда удается, сама знаешь, будь неладно это служебное положение... Ладно, не будем о грустном. Мы же уверенно смотрим в будущее, душа моя?

Он притормозил перед поворотом, миновал его, не удержавшись от соблазна вплотную прижаться к ограничительным столбам. Женщина поежилась.

— Жорик, я верю, что ты первоклассный водитель, но... Знаешь, как-то еще не готова выяснять, есть ли жизнь после смерти.

Мужчина с удовольствием рассмеялся.

— Вот что мне нравится в тебе, солнце мое, так это твое неистребимое чувство юмора. Пардон, не только это мне в тебе нравится. — Он продолжал веселиться. — Спокойно, Козлодоев, сядем усе! — скопировал он нетленную фразу из популярного фильма. — Эх, дожидаться не могу, когда мы с тобой доедем до места, завалимся в мягкую постельку...

— Ты поэтому и потащил меня посреди ночи? — Лариса передернула плечами. — Терпеть не могу ездить по ночам. Не видно же ничего, и дорога опасная. Почему мы не могли до утра задержаться в... этой, как его...

— В вонючей дыре, — подсказал водитель, — которую мы покинули двадцать минут назад. Нет уж, дорогая, так мы никогда не приедем. Постоялый двор в дыре — не наш уровень, согласись. Пусть они считают иначе, но мы ведь с тобой знаем? Я заказал чудесный номер в Меркадии — гостиница «Прибой», обслуживание по высшему разряду, три комнаты, вид на море, веранда, где я буду вечерами пить «Будвайзер», а ты — шнырять передо мной в костюме Евы. Сорок минут страха, дорогая, — и мы в Меркадии. Номер уже готов, халдеи ждут, поздний ужин в постель, а завтра с раннего утра на море, на яхту. Судно готово, ждет с нетерпением свою капитан-

шу... — Мужчина с нажимом погладил женщину по коленке, та шумно вздохнула, изобразила томную мечтательность. Но спохватилась, снова надулась:

— Но почему не Сочи, Жорик, не Адлер, не Сухуми, наконец? Что такое Меркадия, с чем ее едят? Я только вчера запомнила это название, оно постоянно выскакивало из памяти. Я не знаю никакой Меркадии...

— Ты многого не знаешь, обожаемая моя. — Похотливая конечность передвинулась по ноге — к тому месту, откуда она начиналась. Неохотно вернулась — все же не лучший момент. — Во-первых, Меркадия ближе всего того, что ты наговорила. Честное партийное, лучший курорт. Пока еще не оцененный нашим братом. Но скоро оценят, не волнуйся. В Сочи в это время полный дурдом. А в Меркадии красота, тихо. Уютный поселок, пляжи — сущая живопись, никаких тебе предприятий, госучреждений, место для настоящих ценителей...

— И никто не узнает, что ты проводишь отпуск не с женой, — не удержалась от язвительности спутница.

— Фу, как пошло, — поморщился водитель. — Ну что ты все о старом и наболевшем... Товарищ, верь, взойдет она. — Мужчина от души рассмеялся. — Все пройдет, как говорится, все мы поженимся. Не веришь?

Он замолчал — дорога входила в крутой поворот. Кустарнику было тесно у подножий скал, он подби-

рался к дороге. За скалой обрисовалось ответвление влево. Там же указатель — «Розовое озеро, 2 км». Снова потянулись мрачные скалы. Справа впереди забрезжили редкие огоньки. Проплыл еще один указатель — «Паланга, 3 км».

— Еще не Меркадия, — вздохнула Лариса. — Что за дыра? Ты должен знать, дорогой, полжизни, поди, здесь ездить... — С губ уже срывалось «с кем попало», но женщина была неглупой, промолчала. Не хотелось начинать совместный отдых с разбирательств.

— Паланга-то? — живо отозвался спутник. — Ну, не совсем дыра, есть там санатории, пара неплохих гостиниц, да и антураж, в принципе, годный. Но в целом не фонтан — для неразборчивых пролетариев, к коим мы с тобой, слава КПСС, не относимся. Город небольшой, но город. Шум, гам, пыль, многоэтажки. Не волнуйся, мы в него не заезжаем, он там, под горой. Проскочим — и прямая дорога в Меркадию. Готова порадовать своего зайчика, Лариса Ивановна? — мужчина оскалился. — Первым делом, конечно, поедим, выпьем — за счастливые две недели, за то, чтобы лучше всех...

— За силу, держащую шляпу, — пробормотала, скромно потупившись, спутница.

— А? Что? — оживился мужчина. — Это ты о чем, Лариса Ивановна?

— Вы вгоняете меня в краску, Георгий Михайлович. — Дама театрально изображала скромницу. —

Старинный кавказский тост, неужели не слышали? Удивляюсь вам... Встретились обнаженные мужчина и женщина. Мужчина был в шляпе, женщина вообще ни в чем. Смутились — женщина прикрывалась руками, мужчина шляпой. Потом он убрал руки — шляпа не упала. Так выпьем же за силу, держащую шляпу...

Спутник смеялся с большим удовольствием. И поздно заметил, как на дороге возникла человеческая фигура! Фары озарили милицейскую форму, полосатый жезл в руке, бляху на груди — Государственная автомобильная инспекция. Взвизгнула Лариса, Георгий Михайлович машинально ударил по тормозам, с губ сорвалось непечатное слово.

— Да они издеваются! Не видят номера на машине? Откуда они вообще тут взялись?

— Успокойся, дорогой, это недоразумение, — пролепетала Лариса. Она и сама испугалась. — Ладно хоть не сбил его. Мы же ничего не нарушили, нет?

— Да пошли они... — Георгий Михайлович глухо и емко выругался. Скрипели подошвы — подходил инспектор. Лица не видно — козырек фуражки надвинут на глаза. Он зашел слева, выпал из освещенной зоны и навис над окном. В сердцах выражаясь, Георгий Михайлович опустил стекло. Сам, видать, понервничал, руки дрожали.

— Доброй ночи, — поздоровался инспектор. — Нарушаем, гражданин?

— Издеваемся, служивый? — вспыхнул Георгий Михайлович. — Что тут можно нарушить? В чем дело, любезный? Ослепли — номера не различаете? А ну-ка, внятно представьтесь, предъявите документ, я завтра поговорю с вашим начальством.

— Старший лейтенант Мухин, — покладисто представился инспектор, — Палангинский отдел. Рядовая проверка на дороге, не надо нервничать, гражданин. Я выполняю свои обязанности. — Инспектор нагнулся, включив фонарь, осветил рассерженное лицо пассажирки, пустое заднее сиденье. Лариса сощурилась, отвернулась. — Выйдите из машины, гражданин, и предъявите документы. Если все в порядке, вас не будут задерживать.

— Это безобразие, я буду жаловаться... — Георгий Михайлович заворочался на сиденье. — Палангинский отдел говоришь, старлей? Хорошо, я запомню...

— Георгий Михайлович, кончайте выделываться, — зашептала Лариса. — Разберитесь, только без скандала. Не забывайте, в каком мы положении...

Мужчина распахнул дверь и, бурча под нос, начал выбираться из машины. Инспектор отступил, освобождая пространство. Лариса вздохнула и отвернулась, уставилась в окно. Внизу переливались огоньки Паланги. Йодистый запах с моря проникал через открытое окно, дразнил воображение. Она не сразу поняла, что происходит. Спутник хрипел, издавая горловые звуки. Георгий Михайлович так и не вышел из машины. Развернул корпус, опустил ноги

на асфальт, начал подниматься. Инспектор ударил его ножом в живот, лезвие не вынимал, оно рвало ткани и органы, бесстрастно смотрел в глаза своей жертве. Георгий Михайлович затрясся, повалился обратно на сиденье, голова рухнула на колени любовницы. Лариса завизжала, но визг оборвался — в горле образовался ком. Она сбросила с коленей голову любовника, распахнула дверцу и вывалилась наружу. Голова пылала, страх погнал ее вперед. Она куда-то побежала, споткнулась о полосатый столбик, растянулась. Импортные джинсы были слишком тесны, но Жорику так нравились ее ноги! Задышавшись, с распухающей головой, она поднялась, побежала дальше, не замечая, что потеряла очки. Мутная фигура выросла на пути — человек стоял, не предпринимая никаких действий. Лариса повернула обратно. Но и там, за капотом «Волги», кто-то был. Все расплывалось, она плохо видела без очков. Донесся смешок. Это весело?! Она, задышавшись, снова развернулась на сто восемьдесят градусов. Клеши сжимались. Лариса отступила за пределы обочины, погрузилась в жухлую траву. Продолжала пятиться прочь от дороги, совершенно не соображая, что делает. От страха помутился рассудок. Два силуэта пришли в движение, медленно шли за ней. Прорезался голос, она завизжала, пятясь дальше. Споткнулась, упала в пустоту. Падала, по счастью, с небольшой высоты, обрыв от силы полметра, к нему примыкала терраса. Но Лариса подвернула ногу,

боль отдалась во всем теле. Она поползла по траве, смертельно напуганная, даже не понимая, что обронила очки. Встала на колени — голова кружилась. Двое приближались, она пятилась на четвереньках, давясь слезами. Могла бы обернуться — но нет, не до этого. Колени провалились в пустоту, Лариса и ахнуть не успела. Вцепилась ухоженными пальцами в траву, но поздно, центр тяжести сместился. Разжались пальцы, она покатилась вниз по крутому склону, ударяясь о камни, отлетала от них, как мячик, какое-то время еще была жива, пыталась за что-то ухватиться. Ударилась головой о камень — и все. Бездыханное тело сделало кувырок, застыло на краю уступа, правая нога свесилась в пропасть...

Под ногами чавкала земля. Двое подошли к обрыву, зажегся фонарь. Луч света отыскал женскую фигуру. Несчастная проделала долгий путь по отвесному склону, переломала все кости. Терраса оставила падение. Она лежала, раскинув руки, нога провалилась в обрыв, смотрела в небо широко открытыми глазами. Из разбитой затылочной кости вытекала кровь. На дороге было тихо, не так уж часто здесь в ночное время проезжают машины.

— Почему ты ее не схватил? — прозвучал глухой голос. — Позабавиться решил, мячик погонять? А у нее наверняка сережки, колечки, часики дорогие... Подъемный кран закажем?

— Мог бы и сам ее оприходовать, нашел крайнего, — проворчал сообщник. — Ладно, не мелочись,

парочка жирная, мужик с положением, одна тачка чего стоит. На номера обратил внимание?

Снова зачавкала под ногами земля. У машины кто-то возился, погасли фары, открылась крышка багажника. Донесся восхищенный свист...

ВАЗ-2103 «специфического» зеленого цвета пропустил чадающий грузовик и свернул влево на шоссе. Удалялся поселок Меркадия. Дорога всесоюзного значения на этом участке прорезала гористую местность, отдалялась от моря. Но была еще одна: краем гор, вдоль береговой полосы — мимо поселков Паланга, Сторожевое — и снова выезд на «всесоюзную». Ровный асфальт, конечно, лучше, но львиная доля достопримечательностей находилась именно здесь. Здешнюю дорогу тоже однажды заасфальтировали, но, видимо, давно. Ничто не могло испортить настроение. До окончания отпуска оставалось еще два дня (как сказал бы оптимист, ЦЕЛЫХ два дня), назревал очередной жаркий день на черноморском побережье Кавказа. «В принципе, хватит отдыхать, — уговаривал себя Андрей, косясь на несмолкающую спутницу. — Пора и честь знать». Впервые за четыре года вырвался в отпуск, да не куда-нибудь, а на море, никаких преступников, никакого начальства — до его гостиницы в Меркадии не дозвониться! Дорога вдоль кромки скал была так себе, но отечественные автомобили для того и проектировали. Эка невидаль. Под легкую тряску Светлов расслабился, сел удобнее, высунул локоть наружу. Справа проплывали

отвесные скалы — ничего интересного. Все самое занятное находилось слева, под горой. Местность сравнительно пологая, зеленели леса, среди них, как грибные шляпки, выделялись крыши строений. Белели санатории, виднелись дороги среди островков зелени, кипарисовые аллеи, вереницы пирамидальных тополей — неизменного атрибута южного пейзажа. За всей этой красотой простиралось море. Уже не такое манящее, как три недели назад, да и ладно — легче будет возвращаться в столицу нашей родины. Цвет воды был необычным, менял оттенки под воздействием света. Чернели лодки в зоне береговой доступности, белели паруса. В сторону Сочи двигался белоснежный теплоход.

Инесса трещала, как старинный «Ундервуд». Тоже расслабилась, высунула руку в окно — видимо, хотела дотянуться до скал. Трепетал на ветру прозрачный шифоновый шарфик, который она оборачивала вокруг шеи. Поначалу это казалось безвкусным, чудовищно буржуазным, но потом притерпелся, перестал обращать внимание. Что внутри, то и снаружи, оставалось лишь смириться.

— Слушай, а зачем нам нужно ехать на это Розовое озеро? — вдруг спросила Инесса. — На всех достопримечательностях все равно не отметимся. Ты уедешь через два дня. Я побуду еще немного, приду в себя после щемящей разлуки — и тоже на родину, в Ленинград. Не понимаю, зачем нам это Розовое озеро? Ну, розовое — и что? Соли высту-

пают на поверхность, микрофлора с микрофауной особенные — мне все равно. Приелось уже.

— Лучше в постели лежать сутками напролет? — ухмыльнулся Светлов. — А потом удивляться: да у вас тут еще и море было?

Инесса прыснула, но тут же сделала серьезное лицо. Настолько серьезное, что пришлось спасать ситуацию.

— Лежать с тобой в постели — вершина наслаждения, — немного приукрасил Андрей. — Прямо-таки пик блаженства, и я нисколько не преувеличиваю. Но мы же с тобой активные люди, надо постигать все новое, повышать эрудицию с образованием. Посмотри вокруг, это же музей под открытым небом. В Ленинграде такого нет. Обещаю, насладимся видом достопримечательности и быстро вернемся в постель. Спать сегодня ночью не будем, то есть удлиним отпущенное нам время.

— Да неужели. — Инесса задумчиво пощипала нос с горбинкой. — Ладно, посмотрим, хватит ли тебя еще на двое суток.

Андрей насилу сдерживал смех. Ленинградская поэтесса Инесса Буревич была редким экземпляром. Особа совершенно не в его вкусе, просто полная противоположность всему, что он ценил в женщинах. И тем не менее Андрей провел с ней почти весь отпуск, не уставая себе поражаться. Расскажешь кому-нибудь — не поверят, обсмеют и покрутят пальцем у виска. Он прибыл на благословенную землю

почти три недели назад. Отпуск — месяц. «Шиш тебе, Светлов, — безапелляционно заявил полковник Макаров, непосредственный начальник. — Три недели, и никаких гвоздей. Так и быть, тебя не будут трогать. Но чтобы по возвращении пахал, как папа Карло. И это самое, Светлов, — полковник помялся, — поаккуратнее там на югах. Не привези чего-нибудь. Помни о высоком звании офицера милиции». Оснований опасаться за его поведение не было никаких. Поехал один — с женой развелся, не обретя в трехлетнем браке ни одного ребенка. Постоянной подруги тоже не было. Сочи сразу отверг — давка. И Крым решил оставить на потом — засуха. Знающие люди посоветовали Меркадию на сочинском побережье, мол, не пожалеешь, только номер заранее забронируй по телефону. Местечко действительно понравилось. Душевное, тихое, словно и не Советский Союз. «Отдыхающие просто не просекли, — по-простому объяснил администратор в гостинице. — А как просекут, начнется столпотворение». Спокойный одноэтажный поселок, море зелени, цветы — а какие запахи... Он наслаждался прогулками по кипарисовым и можжевельниковым аллеям, всеми днями пропадал на песчаных пляжах, пил импортное пиво.

Поэтессу он засек на второй или третий день. Чудовищная шляпка, возмутительный сарафан, в котором могли уместиться четверо, реющий на ветру шифоновый шарфик. Эта дама резко контрастиро-

вала с прочими отдыхающими, наслаждалась собственной персоной, ни на кого не смотрела. А как она купалась! Ложилась на матрас, смотрела в небо и плавала среди голов, лениво шевеля кистями. Купальник был тоже необычный — настолько желтый, что резал глаз. В тот же день, когда он заприметил странную женщину, произошел инцидент. Дама плавала на своем матрасе, предавалась мечтаньям. Мимо проплывал мелкий гаденыш из местных, выдернул затычку. Когда Инесса спохватилась, было поздно. Она бултыхалась, умоляла ее спасти. В принципе, там было по плечи, но Инесса об этом не знала, и спасательная операция выглядела по-настоящему. Андрей первым примчался на зов. Выносить из моря пострадавшую было не стыдно — у нее была отличная фигура. «Уважуха, братуха, — похвалил поедающий арбуз татуированный товарищ. — Ну, ты это, не теряйся». Когда прибежал спасатель, все было кончено. Вернее, только начиналось. Инесса открыла глаза — большие, изумленные. «О боги, — прошептала она. — Я уже... там? Ангел, вылитый ангел...» Представитель небес впоследствии оказался майором милиции с Петровки. «Ты делал мне искусственное дыхание рот в рот, — в тот же вечер заявила Инесса Петровна. — И теперь как честный человек просто обязан... — она рассмеялась, обнажив крупные зубы. — Прости, мой спаситель, проверка реакции». Она ежедневно меняла чудовищные шляпки и сарафаны. Как получилось, что сблизил-

лись две противоположности? Чего не случается на знойном юге. Посидели в ресторане, прогулялись вечером по кромке прибоя — и завертелся курортный роман. Светлов этого не хотел. Несколько раз он порывался прекратить отношения, но в последний момент так и не решался. Что-то останавливало — щемило в груди, горло пересыхало. За внешней вульгарностью и эпатажем скрывалась какая-то загадочная грусть. «Потрясающе, — цокала языком поэтесса, — я прожила такую долгую жизнь... ну, для своих девчоночьих лет — и в голову не могло прийти, что однажды свяжусь с офицером из рабоче-крестьянской милиции... или как она сейчас называется? Народная милиция? Нет — советская милиция!» Потом рассмеялась: хорошо, что завела курортный роман, а не таежный... Практически все время их видели вместе, хотя они проживали в разных гостиницах. Одну ночь проводили у него, другую у нее. Персонал терпел — Инесса Петровна была известной персоной, а у ее друга имелись корочки майора милиции. Какой смысл напоминать о правилах, если все равно пройдет под видом служебной необходимости? С каждым днем «необходимость» приобретала все более абсурдные черты. Купались, ели в ресторанах, нежились в постели. Вечерами на закате совершали прогулки, наблюдали, как оранжевый диск светила опускается за горизонт. Оба наслаждались жизнью. Ей было 37, майору — 35. Инесса действительно «работала» поэтессой, имела

широкую известность в узких творческих кругах. Ее стихи выходили в поэтических сборниках, альманахах, издавались в журнале «Юность». «Я устала от душной игры, — без пафоса, характерного ее коллегам по цеху, декламировала Инесса. — На душе не проходит зима, не согреют чужие костры, не укроют чужие дома. Сытный ужин себе приготовь, а не светит, не лезь на рожон. Не утешит чужая любовь, нету радости в счастье чужом...» «Неплохо, товарищ Инесса, весьма неплохо, — сдержанно хвалил Андрей. — Но как-то депрессивно, нет? Не по-нашему, не по-советски. А где оптимизм, вера в светлое завтра? Руководящая и направляющая роль партии, наконец? Ты, кстати, в курсе, что нет слова „нету“?» Инесса смеялась, декламировала дальше: «Я устала от этой зимы, тяжело отдаются шаги, и живу у кого-то взаймы, и растут, как сугробы, долги...» Подобные сочинения были, естественно, не для печати, рождались тоскливыми зимними вечерами. Это был не Пушкин, даже не Анна Ахматова, но чем-то ее строчки трогали. Звучали необычно, печально. Про партию, фабричных девчат и увлеченных работой доярок Инесса тоже писала — не могла не писать, учитывая «специфическую» роль культуры в обществе. И про ударные комсомольские стройки, и про передовое советское общество. Но как-то без огонька, хотя слогом владела, жонглировала словами, превращала тяжеловесные обороты в легкие.

Поездки совершали на машине Светлова — на новеньком ВАЗ-2103, предмете его гордости. Машину он приобрел два месяца назад, следил за ней, регулярно мыл, что-то подкручивал. Эти усовершенствованные «копейки» начали производить только в прошлом году, автомобиль считался чуть не элитным. «Ну, так, на троечку эта “троечка”, — морщила нос Инесса, привыкшая, видимо, у себя в Ленинграде ездить на “Чайках”. — Но я тебе этого не говорила. Отличная машина. Четыре фары впереди, странно, почему не шесть? Ломается, наверное, не часто, ты же сюда доехал? Ты, кстати, в курсе, что она окрашена в цвет навозной мухи?» Андрей возражал: этот цвет только на мухах смотрится не очень, а на машинах — вполне даже...

Дорога, петляющая вдоль скал, пошла под горку. Инесса сказала «ой» и вцепилась в ручку над головой. Шарфик, реющий на ветру, едва не намотался на пробежавший мимо куст. Она втянула его в салон и закрыла окно. Видимо, представила последствия.

— Ты уверен, что нужно так быстро ехать? — задумалась Инесса. — Розовое озеро не побледнеет и никуда не убежит, нет?

— Согласен, — кивнул Андрей, снижая скорость. — Дорога мимо Паланги, мягко говоря, так себе. В этой местности более уместен вездеход.

Слева под горой лежала Паланга — вольготно раскинувшись на зеленых склонах, она, казалось, сползала в море. Белели коробочки санаториев в при-

брежной зоне, крыши типовых пятиэтажек. В Паланге проживало порядка тридцати тысяч населения, имелись промышленные предприятия — какой ни есть, а город. Инесса снова расслабилась, откинула голову, что-то замурлыкала. Прислушавшись, он различил: «Там, где пехота не пройдет, где бронепоезд не промчится, тяжелый танк не проползет — там пролетит стальная птица».

С Инессой, невзирая на всю сложность ее характера, было легко. Но следовало держать ухо востро. Она могла нагрубить официанту в ресторане — за то, что никуда не торопится и вообще принес какую-то дрянь. Разве это рапаны? Это даже не мидии! Все вокруг Инессы просто обязано было соответствовать ее критериям. Майор с Петровки в них не вписывался, но с ним было весело, он обладал язвительным чувством юмора и хорошей внешностью. С таким не стыдно выйти в люди. На второй вечер знакомства он обнаружил, что она с интересом перелистывает его паспорт, который извлекла из тумбочки. Внезапное появление любовника немного ее смутило, но рука не дрогнула. «Ты не поверила, когда я сказал, что не женат?» Инесса засмеялась так, что задребезжали стекла в оконных рамах. В самом деле, солнечный юг так располагает к доверию. Видимо, имелся опыт. То, что у самой Инессы было три мужа, ее несколько не смущало. Первый сел в тюрьму, второй оказался альфонсом, не представляющим, что такое работа, третий хотел детей. А в планы